

В московских театральных кассах замелькали маленькие афиши с портретиками Лии Ахеджаковой и Михаила Жигалова. Актеры «Современника» играют новый спектакль - «Персидская сирень» по пьесе Николая Коляды. Мне довелось увидеть его осенью в Волгограде. У спектакля был бешеный успех. Теперь актеры решили вынести свою работу на суд столичной публики и не просчитались: в каком бы зале они его ни играли - зал забит публикой до отказа... На сцене, что-то приговаривая про «магнитный» день, невыносимую мигрень и атмосферные бури, нелепая, неказистая дамочка, уже достаточно потрепанная годами, пытается вскрыть на почте чей-то абонентский ящик. За этим занятием ее застает Он, которому тоже перевалило за пятьдесят и который тоже охотится за содержимым этого почтового ящика, наполненного письмами женщин, откликнувшись на брачное объявление. Именно таким образом состоялось знакомство двух персонажей «Персидской сирени», и этим, пожалуй, и исчерпываются все так называемые «перипетии» спектакля. Встреча двух одиноких людей, продлившаяся около часа, чтобы, возможно, больше никогда не повториться. Коляда предоставил актерам и режиссеру Борису Мильграму очень хрупкий, но благодатный материал. Из диалогов, словесной перепалки, из осколков и хлама воспоминаний главных персонажей, из обрывков лозунгов и песен, из рассыпанного бисера прошлых несчастий и радостей вырастают их судьбы, их боль и нереализованная нежность. Ахеджакова строит свое исполнение на неожиданной и непредсказуемой смене настроения, на перепадах от неумело наигранной кокетству, от недоуменной растерянности к мягкой, испуганной женственности. Она щедро и расточительно прибегает к приемам гротеска и эксцентрики, оставаясь тонким и чутким психологом. В этом спектакле Лия Ахеджакова и Михаил Жигалов составили блистательный актерский дуэт, рассказав о людях, не утративших способности слушать и понимать друг друга, о тех, в ком неистребима потребность в общении и соучастии, способных нежностью откликаться на любое проявление человеческой доброты, как на весеннее тепло откликается цветением персидская сирень.

Лия Ахеджакова не терпит, когда лезут под кожу

Ослик Иа-Иа как веха в творческой биографии

- Лия, кажется, вы нашли своего автора и Николай Коляда вас поглотил полностью, ведь это уже вторая за последний сезон ваша работа в его пьесах?

- На самом деле это уже третья его пьеса, в которой я играю. Сейчас на сцене «Современника» играю в спектакле «Мы едем, едем, едем...», поставленном Галиной Борисовной Волчек. До этого мы с Аллой Покровской по своей инициативе играли его «Валенки-половики». Играли его очень много по нашей провинции, играли его в Израиле, Германии и Америке. А когда в «Современнике» начались репетиции «Мы едем, едем, едем...», то вне стен театра мы с Михаилом Жигаловым и с режиссером Борисом Мильграмом стали работать над «Персидской сиренью». Кстати, до этого Мильграм снял фильм «Бред вдвоем», где я была в дуэте с Геннадием Хазановым. К сожалению, судьба фильма оказалась плачевной, он попал на телевидение и дважды был показан в очень неудобное ночное время. Обидно за эту работу, которую я очень люблю.

- При этом любопытно, что спектакль Волчек и спектакль Мильграма такие разные по своей стилистике...

- К счастью, мне, Алле Покровской и Мише Жигалову довелось увидеть в Екатеринбурге собственные спектакли Коляды. Они совсем другие и напрочь отличаются от этих двух. Коляда в городском театре собрал актеров, не занятых в репертуаре, и на малой сцене стал ставить свои пьесы. Мы пережили потрясение. Это тот театр, который я обожаю, - маленькая сцена, сто пятьдесят человек в зале. В его драматургию можно войти с разных сторон - одну дверь открыла Галина Борисовна Волчек, в другую - вошли мы с Жигаловым, а он сам «входит» в ту, которую бы мы не догадались открыть.

- Его спектакли приближены к быту?

- Нет, он идет от какой-то невозможной теплоты по отношению к любимому, дорогому, не разделенному со своей судьбой уродству. Это особый театр - душераздирающий, пронзительный, русский театр с невероятным уважением к тому, кто в русской литературе назывался «маленьким человеком». У Коляды «люди с обочины», есть в них вырожденчество и пораженчество. Но Коля в своих пьесах, да и в жизни не отстраняется от них, не наблюдает их со стороны. Он сам живет в таком же, как они, доме, квартире, городе. В его пьесах нет оцущения,

что он описывает маленьких людей, он описывает тех, кто живет рядом с ним. Более того - это и моя среда тоже... Я живу в таком же доме, среди таких же людей. И, надо сказать, они ко мне иногда хорошо, иногда жестоко относятся и я так же отношусь к ним.

- Коляда грустный драматург, но в нем нет «чернухи». Наверное, это привлекает в нем?

- Конечно. И, несомненно, его тонкое знание людей, о которых он пишет. В «Мы едем, едем, едем...» я играю «челночницу», она современный мутант: похожа на скрип-скрип клейкой ленты, которой во всех аэропортах «челноки» обматывают багаж. «Персидская сирень», хотя в ней и есть дуэт двух одиноких людей, - это спектакль не об одиночестве, не о любви двух молодых мужчины и женщины, а о том, как мужчина подарил женщине один час и, пробыв с ним час, она вышла в жизнь другим человеком. Как-то мы играли этот спектакль в одном из провинциальных городов, выходим с Мишей Жигаловым после спектакля и слышим: разговаривают две молодые, да и не старые женщины и одна говорит другой: «Что же я себя так не люблю. Завтра пойду и куплю себе французские духи». Такая реакция зрителей дороже любых аплодисментов.

- Кстати, об аплодисментах. Ведь успех к вам пришел рано. Я помню, как вы играли в ТЮЗе в какой-то болгарской пьесе старушку подпольщицу, а вся Москва ломилась, чтобы увидеть вашу пионерку в спектакле «Мой брат играет на кларнете»...

- Какая Москва? Дети, которые теперь стали взрослыми... Были у меня в ТЮЗе и более симпатичные роли, например ослик Иа-Иа в спектакле «Винни Пух и его друзья». Это важная веха в моей творческой биографии...

- А в «Современник» вас пригласили?

- Я им сама навязалась. И попала в театр благодаря Валерию Фокину. И первую роль сыграла в его спектакле «Записки Лопатина». Заболела Любовь Ивановна Добржанская и из больницы, перед смертью, благословила меня на свою роль в этом спектакле, на роль старушки Айседоры в «Эшелоне». Потом заболела Антонина Павловна Богданова и тоже перед смертью прислала благословение, и я ввелась в спектакль «Вечно живые», сыграв еще одну бабушку. Когда я буду помирать, благословлю какую-нибудь трагистку на свои роли в «Квартире Коломбины»...

- Кстати, несколько деликатная тема. Ведь свои лучшие роли

в «Современнике» вы сыграли в спектаклях, поставленных Романом Виктюком, - «Квартира Коломбины», «Стена», «Мелкий бес», «Адский сад». Знаю, в каком-то интервью он неосторожно сказал что-то оскорбительное для вас, произошел разрыв. Неужели вы окончательно расстались с Виктюком?

- О том, что он сказал, говорить сейчас не будем и о моей реакции тоже. Но недавно было, кажется, в «Собеседнике» интервью с ним. И его спросили, расстался ли он с Лией Ахеджаковой. Он ответил, что, каждый раз затевая новый спектакль, он думает о ней.

- А вы о нем думаете?

- Никогда. Я не хочу работать с людьми, которые меня оскорбляют. Но... Но я считаю Виктюка своим учителем и бесконечно ему благодарна за уроки, которые он мне дал. И за «Коломбину», и за «Стену», и за «Мелкого беса». Он большой режиссер. А от будущего зарекаюсь невозможно, как от тюрьмы и от сумы. Но он слишком ушел от тех ценностей, которые мне преподавал, которым он меня научил. Я не вписываюсь в систему коммерческого искусства...

- Кстати, о системах, об актерской профессии. Насколько важно владеть какой-либо актерской системой, ну, например, системой Станиславского? Ведь когда-то отклонение от нее считалось преступлением.

- Конечно, меня в ГИТИСе обучали системе Станиславского, но я не могу отсеять, что во мне идет от системы, что от природы, что от навыков. Я верю в другую систему. Когда-то прочла: на вопрос, верит ли она в какую-то систему, Анна Маньяни ответила: «Только в одну - заболеть судьбой человека, которого играешь, как своей собственной. До сердечных спазмов, до слез поверить в эту судьбу...»

- А теперь о ценностях. Что вы уважаете в людях?

- Культуру, доброжелательность, простоту, кротость, если такая имеется. Не люблю людей агрессивных ни в какую сторону. Да вообще разве знаешь, почему к человеку тянет? Он может обладать всеми качествами, которые ты уважаешь, просто быть идеальным человеком, а от него мухи дохнут.

- Что вас оскорбляет в нашей жизни?

- Ну, например, когда мужчина защищает себя, как Родину. Когда он может и словом, и делом ударить женщину только за то, что ему покажется, что она недостаточно

высоко его ценит. И я в мужчинах это наблюдаю почти поголовно - совершенно неадекватное отношение к своей персоне.

- Лия, почему вы не любите говорить о своей личной жизни?

- Моя личная жизнь сейчас - добывание денег под тот или иной новый фильм, спектакль, проект. И потом я не терплю, когда мне лезут под кожу. Я человек контактный, мне нравятся люди, нравится наблюдать за ними, слушать их. Но я не из тех, кто «клюет с руки».

- Еще одно «что». Что вас пугает в сегодняшней жизни?

- Пугает эпидемия ненависти к человеку не той национальности. И это происходит не только у нас на Кавказе, во всем мире. Почему кто-то присваивает себе право распоряжаться чужими судьбами, жизнью? Я готова говорить на том языке, который мне предложат, только чтобы люди не умирали в бессмысленном, идиотском соревновании за то, чья нация важнее, древнее и какой народ здесь жил до пришествия Христа. Ни рак, ни СПИД не разбирают, кто какой национальности. Вот что нас должно волновать, вот против чего надо бороться, а не друг с другом! И хотя говорят, что уважающие себя художники не лезут в политику, как можно пропустить все, что происходит вокруг нас, мимо сердца, мимо глаз, ушей. А главное, если ты выходишь к зрителям, то должен знать, чем эти люди больны, почему им плохо. Тем более что русская культура - это всегда сердце, которое болит...

- По поводу культуры... Думаю, вас радует, что зрители вновь полюбили театр. Какой он, новый зритель?

- Наш театр всегда был посещаемым, и спад интереса к театру «Современник» неощутим. Галина Борисовна Волчек проявила себя опытным логиком в этом море новой жизни. А зритель действительно стал другим. Очень много в зале молодых людей - это очень живая, умная и доброжелательная публика. Зря утверждают, что в театр ходят только денежные мешки. Им не до театра, им некогда - деньги надо зарабатывать. А тревожит меня не новая публика, а наша пресса, которая пишет о театре и кино, да и свои собрания-художники удивляют и огорчают. Стало непереносимым условием все ругать, ничего не принимать. Доброжелательных критиков просто не осталось. Но когда актеры и режиссеры исходят желчью и не хотят замечать успехов своих коллег - это ужасно. Сколько злобных слов я слышала от людей своего цеха о фильмах Дыховичного, о его «Прорвее», о фильмах Хотиненко «Макаров» и «Мусульманин», о чужих работах в театре! Вместо поддержки - неприятие, зависть, раздражение. И это тогда, когда поддерживать надо друг друга.

- Кстати, как закончилась ваша эпопея с фильмом Игоря Апасяна по Рею Брэдбери «Вино из одуванчиков», ведь она тянется уже много лет?

- Фильм уже смонтирован, но теперь нет денег на его озвучание. Я уже не говорю о том, что я там снималась, но там снимался Зельдин, снимался Смоктуновский. А когда его увидят зрители, неизвестно.

- А какие фильмы с вашим участием можно ждать?

- Пока ждать нечего. И думаю, фильмы теперь будут не скоро.

- Это чисто «настроенческий» ответ?

- Во-первых, почти никто сегодня у нас кино не снимает. А в тематике тех, кто находит деньги на съемки, я не вписываюсь. Много стало лент про сексуальную жизнь царей, императоров. Кино интересуется историей только с этой точки зрения. Много в кино всяких сексуальных отклонений, эротических новшеств с поправкой на «советизм» и нашу новую демократию. Много стало, знаете, про псевдоамериканский образ жизни в России. «Крутые» должны быть актеры, а я «крутизна» не потяну. Сейчас я больше доверяю театру. В театре ошутимее какие-то победы над собой. И потом в театре я очень остро чувствую, когда публика принимает, а когда не принимает то, что я делаю. А если чувствуете любовь публики, то она такая сладостная и такая необходимая.

Петр КУЗЬМЕНКО